

Ирина Костина
10 дней в уездном городе Че

история, которая вполне могла бы произойти

Ирина Костина

**10 дней в уездном городе Че.
история, которая вполне
могла бы произойти**

«Издательские решения»

Костина И.

10 дней в уездном городе Че. история, которая вполне могла бы произойти / И. Костина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745270-4

Выпускник юридического факультета из Санкт-Петербурга направлен помощником в полицейское управление уездного города Челябинска. Уряднику Новоселецкому не по душе нелепые фантазии и максимализм юного сыщика. Но именно его особенность попадать в череду нелепых приключений и помогут полиции разоблачить таинственную серию грабежей, прокатившуюся волной по городу.

ISBN 978-5-44-745270-4

© Костина И.
© Издательские решения

Содержание

День первый	6
День второй	19
День третий	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

10 дней в уездном городе Че история, которая вполне могла бы произойти Ирина Костина

© Ирина Костина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

автор: Ирина Костина

День первый

Над городом стоял туман. Господин Новоселецкий лениво вылез из открытого экипажа, на заснеженную привокзальную площадь. Подошёл к одинокому фонарю, вынул из внутреннего кармана часы и взгляделся в циферблат: половина девятого.

Запахнул плотнее пальто и шагнул к зданию. У крыльца поскользнулся, нелепо взмахнул руками и чуть не упал, выкрикнув крепкое словцо.

Разозлившись, ввалился, держась за поясницу, внутрь вокзала и уверенно толкнул дверь коменданта.

– Чего у тебя крыльцо не чищено? – заявил с порога.

Фёдоров чуть не поперхнулся чаем. Подскочил из-за стола:

– Митрофан Иванович! Доброго здоровья.

– Будешь тут здоров; спину вот потянул, – проворчал тот, супя брови.

– Сию минуту. Всё исправим, – засуетился комендант, выглядывая за дверь, – Митька!...

Отдав распоряжения, вернулся с оправдательным выражением лица:

– Весна нынче больно пакостная. Всё, что за день водой берётся, ночью льдом оборачивается. Не успеваем уследить.

– Ладно зубы-то мне заговаривать. Скажи-ка лучше, московский скорый у тебя в девять прибывает?

– Без шести минут, – уточнил комендант.

– Не опоздает?

– Шутить изволите, Митрофан Иванович? – захихикал тот, – Когда это у нас скорые поезда опаздывали? А Вы встречать кого изволите?

– Изволю.

Фёдоров облегчённо выдохнул, повеселел:

– А я думаю, чего бы это к нам с самого утра господин полицейский исправник пожаловал?

– Испужался? – коварно прищурил глаз Новоселецкий. – Знаю, рыло-то в пушку.

– Да, ну что Вы, Митрофан Иванович! – оскорбился тот, – Ей-богу обижаете.

– Будет, юлить-то. Раз время есть, давай-ка, Семён Григорьевич, чайком меня напои.

– Вот это завсегда с удовольствием!

Новоселецкий снял шапку, пригладил пышные усы. Кряхтя, уселся на стул, придвигая к себе стакан с дымящимся чаем. Потянул носом:

– Душистый у тебя чай. Хороший.

– Индийский, – гордо уточнил Фёдоров, – Мёд берите; алтайский. А может, наливочки?

– На службе не употребляю. И тебе не советую.

Семён Григорьевич, потянувшись было под стол, быстро ретировался и перевёл разговор в другое русло:

– Ну, тогда халву кушайте. Сладкая! Митрофан Иванович, а кого из Москвы встречаете? Родственника?

– Помощника. Направлен на службу ко мне в управление по рекомендации самого господина Столыпина. По осени мы с Александром Францевичем прошение в Петербург писали. Город растёт, как на дрожжах. Шестьдесят тысяч жителей! А у меня на всё про всё – один помощник, четыре надзирателя, четыре урядника, да пятьдесят городских! Где ж это видано-то, чтоб на такую ораву, да всего четыре полицейские части? Тюрьма переполнена ссыльными. Людей толковых в полиции нет. А преступность гремит на весь уезд, и сладу никакого. Число лиц, умерших насильственным образом, превышает даже губернский город Оренбург.

– Да-да. Ох, не говорите, Митрофан Иванович, – закивал комендант, – Страшное дело.

– Уж ты бы помолчал, – осадил его Новоселецкий, – Твоя Пригородная Слобода – мне, как кость в горле! Проходной двор! Преступного сброду в ней, как г... на за баней! Окопались тут; кнута на вас нет!

Фёдоров оробел:

– Ваше высокородие. Я-то при чём?

– А-то я Вашего брата не знаю! Гляди-ка, чай у него индийский, мёд с алтайских гор. Халва, небось, с самого Пекину! Заворовался, Семён Григорьевич!

– Господь с Вами, Митрофан Иванович, голубчик, – побледнел комендант.

Их речь прервал паровозный гудок.

– Московский? – встрепенулся Новоселецкий.

– Он самый. Прибывает.

Митрофан Иванович схватил шапку и, уходя, пригрозил коменданту пальцем:

– Гляди, доберусь я до тебя.

Вокзал. Вид с площади

Железнодорожная платформа кишела пассажирами. Мужики, бабы с детишками, с чемоданами, корзинами и узлами, бурлящим потоком двигались сквозь туман к привокзальной площади, чтобы через четверть часа раствориться в городском пейзаже.

Новоселецкий грустно поглядел на это шествие. Каждый день к ним в Челябинск прибывает огромное число народу. Вся эта толпа, явно, сейчас обоснуется в Переселенческом пункте. И кто знает, с какими помыслами приехал каждый из них? Надолго ли задержится? Что от него ждать?

Митрофан Иванович поправил шапку и двинулся к вагону первого класса. Ещё издали он заметил молодого человека с саквояжем. Пассажир стоял, вглядываясь в лица прохожих; вероятно, ожидал встречающего. Новоселецкий по мере приближения скептически отмечал про себя: «Уж больно молод; совсем мальчишка. К тому же, франт. Гляди-ка, пальтишко у него из дорогого сукна. Перчатки белые. Шляпа из модного салона. Какой из него полицейский? Может, не он?»

Исправник поравнялся с пассажиром. Тот доверительно взглянул на него:

– Господин Новоселецкий?

«Ах, чёрт, выходит, он» – разочарованно пронеслось у того в голове:

– Так точно. Митрофан Иванович.

Гость учтиво приподнял шляпу:

– Аладьин Василий Кириллович. Направлен приказом министра внутренних дел на должность помощника уездного исправника в Ваше полицейское управление.

Новоселецкий кисло улыбнулся. Кого присылают? Прости, господи. Небось, сразу со студенческой скамьи. Одеколоном от него разит, как от барышни. А на ногах ботиночки лаковые. Это по нашей-то погоде!

Юноша заметил направление взгляда исправника и зябко поёжился:

– Признаться, не ожидал, что уральская весна так сурова. В Москве нынче уж ручьи бегут.

– Да, – буркнул Новоселецкий, – Вот на будущей неделе масленицу отгуляем, и у нас ручьи побегут. Да так, что мосты на реке посрывают.

Вокзал. Вид с платформы.

Они прошли с платформы через крыльцо, уже спешным порядком очищенное ото льда, и сели в экипаж. Туман опустился к земле, и по обе стороны от дороги стали видны редкие берёзы и тополя.

– Простите, Василий Кириллович, сколько Вам лет? – не удержался Новоселецкий.

– Двадцать пять, – ответил тот и смущённо улыбнулся, – Понимаю Ваш вопрос. Я выгляжу моложе своих лет. Мне и маменька об этом всегда говорит. Я вот и усы отрастил, нарочно, для виду, так сказать. Чтобы старше казаться.

Митрофан Иванович жалостливо взглянул на его усы, тоненькие, аккуратные, затейливо закрученные на концах; баловство одно, а не усы.

– Учились?

– Непременно. Юридический факультет в столице, – не без гордости сообщил Аладьин, – А курс сыского дела нам читал сам господин Филиппов! Рассказывал про расследование самых громких преступлений. Но выдающейся личностью в сыском деле я считаю Ивана Дмитриевича Путилина. Его «Записки начальника Санкт-Петербургской сыской полиции» я читал пять раз. Помните, дело о «душителях»? А как он выслеживал «парголовских чертей»?

А дело «о безумной мести», когда суд присяжных плакал? Ух, вот это жизнь! – и неожиданно добавил, – Знаете, Митрофан Иванович, я ведь к Вам в уезд сам напросился.

Новоселецкий приподнял в изумлении бровь.

– Да, – с жаром подтвердил юноша, – Ведь у Вас в городе такая статистика убийств! Я читал.

Исправник скис:

– Это верно. Статистика у нас удручающая.

– Ну, что Вы! Напротив, как должна быть интересна здесь работа сыщика! Ух, мне так и не терпится скорее взяться за какое-нибудь расследование в Вашем городе! – с запалом воскликнул Аладьин и огляделся по сторонам, – Кстати, а где же город? Сколько едем, а всё лес...

– Сейчас будет, – пообещал Митрофан Иванович. А про себя подумал: «Эх, больно наивен да горяч! Сбежит через месяц. Опять останусь куковать вдвоём с Ванькой Лепихиным.»

– Церковь! Вон, справа, за лесом! – разглядел Василий.

– Это кладбище, – пояснил исправник, – Подъезжаем. Я Вас, Василий Кириллович, в «Дядиных комнатах» размещу. В центре, и до места службы недалеко.

– Мне, право, неловко, – растерялся помощник, – Не хотелось бы стеснять Ваших родственников. Я не прихотлив, и с удовольствием разместился бы в меблированных комнатах.

– Каких родственников? – не понял Новоселецкий.

– Как «каких»? Дядю...

Митрофан Иванович вдруг напыжил усы, крикнул и расхохотался:

– Дядин – это фамилия! – пояснил он сквозь смех, – Купец наш местный. Доходный дом недавно отстроил. Мы его «Дядины комнаты» зовём. Кстати, одни из лучших в городе.

Аладьин понял свою ошибку и рассмеялся в тон начальнику. Под дружный хохот они въехали на Южную площадь.

Ул. Скобелевская. Дом купца Дядина.

Возница остановился перед парадным крыльцом двухэтажного каменного дома.

– Ну, вот, Ваше жилище, – указал Новоселецкий, – Управляющий предупреждён о Вашем приезде. Ступайте. Располагайтесь. А мой дом тут неподалёку, через квартал. Когда желаете приступить к службе?

– Да хоть сегодня! – откликнулся помощник, – Вот только ванну приму и переоденусь с дороги. Буду готов через пару часов.

– Завидное рвение, – покачал головой Митрофан Иванович, – Так и быть. Заеду за Вами через пару часов.

С румянцем на щеке, гладко выбритый, в свежей хрустящей рубашке и нарядной жилетке, в шёлковом узорчатом галстуке на булавке с жемчужной головкой, предстал Василий Кириллович перед начальником, спустя два часа, когда тот зашёл к нему в комнату.

«Вырядился на службу, точно петух», – фыркнул про себя Новоселецкий и поставил на пол высокие сапоги с галошами:

– Вот. Держите. Это Вам подарок для возможности передвижения по нашим улицам.

– Спасибо! – обрадовался тот. И, живо скинув лаковые ботинки, переобулся. Оглядел себя, – Чудно как-то. А галоши зачем?

– Галоши у нас – первое дело, – пояснил исправник, – Челябинская грязь особенная. Она на дорогах пребывает восемь месяцев в году. Оттого и галоши не простые; Вы такие нигде не купите. А, заходя в помещение, будете их снимать.

– Уяснил, – кивнул Аладьин.

Уездное полицейское управление располагалось в одноэтажном деревянном доме на улице Уфимской позади Народного дома. Новоселецкий радушно распахнул перед помощником скрипучую дверь:

– Добро пожаловать на службу!

Василий пригнул голову, чтоб не задеть балку низкого дверного проёма, и осторожно переступил порог. Миновав тёмный квадратный коридор, через следующую дверь, они проникли в комнату, имеющую весьма захламлённый вид.

В ней было два окна с серыми занавесками. В углу – кирпичная белёная печь. Рядом подпирал потолок огромный двустворчатый шкаф. Вдоль стен хаотично стояли стулья и деревянные тумбы, нагруженные кипами бумажных папок вперемешку с газетами. В остальное пространство были втиснуты три дубовых стола. За одним из которых сидел взъерошенный молодой человек лет двадцати семи в синем форменном кафтане. Он тут же подскочил и приветствовал исправника.

– Рекомендую, – сообщил Новоселецкий, – Ваш коллега, мой помощник Лепихин Иван Павлович.

– Аладьин Василий Кириллович, – представился новичок и пожал Ивану руку, перепачканную чернилами.

– Вот Ваш стол, – повелительным жестом указал начальник, – Можете приступить к своим обязанностям.

– А-а... – в растерянности попытался произнести что-то Василий, но Новоселецкий его опередил:

– Первое задание: наведите порядок в бумагах. Заодно и ознакомьтесь с делами. У меня нынче заседание у ротмистра Никитина. Буду поздно. Господин Аладьин, остаётесь за старшего.

И исправник удалился.

Молодые люди уставились друг на друга. Наконец, Лепихин нарушил молчание:

– А Вы из самого Петербурга?

– Да. Учился в столице, – пробормотал тот, скучно оглядывая помещение, – А родом из Тулы; там имение родительское.

Он продвинулся к окну, заглянул за пыльную занавеску:

– А кто у вас тут убирает?

– Так никто, – весело откликнулся Лепихин, – Когда я веником пройду. А Вы, господин Аладьин, водку пьёте?

– Что? – не понял Василий, – В каком смысле? Нет. Не употребляю.

– Это хорошо. А то до Вас тут работал Гаврила Деевич; уж он-то закладывал за воротник, будь здоров! По три дня в запой уходил. Шишига терпел-терпел, да и вытурил его взащей.

– Кто это «Шишига»?

Лепихин засмеялся:

– Да это я Митрофана Ивановича за глаза так зову.

– А-а.

– Только Вы ему не говорите; осерчает. Он – мужик строгий. Но справедливый. Его в городе боятся, то есть уважают, – Иван поманил Василия ближе, – По секрету, я заметил за ним одну особенность: он становится добрым и разговорчивым, когда ест.

– И, судя по комплекции, поесть он любит, – лукаво подметил Аладьин, – Иван Павлович, а где нынче ваши остальные агенты? Выполняют поручения?

– Какие агенты? – Иван удивлённо заморгал, – Нас двое. Теперь с Вами – трое.

– Как это? – пришла очередь удивиться Аладьину, – А как же вы преступников выслеживаете?

– Выслеживаем? – усмехнулся Лепихин, – Как в книжке про сыщика Путилина?

– Читали? – обрадовался Василий.

– Читал. Всё-то у него гладко да ладно; и агенты ряженные, и улики сами в руки плывут, и убийцы в раз находят. А на деле-то оно не способно выходит. Вон они, не раскрытые преступления. Глядите, полная комната.

Аладьин удручённо оглядел беспорядок и решительно хлопнул в ладоши:

– Что ж, тогда начнём с уборки! Скажите-ка, господин Лепихин, а чей это дом?

– Капарулина купца.

– Он здесь проживает?

– Нет. Сдаёт.

– А кто-то ещё здесь обитает?

– С внутреннего крыльца прачка живёт с дочерью Акулькой; превредная, скажу Вам, девица.

– Ясно, – кивнул Василий, приглядываясь к лежащим в беспорядке папкам, – А почему бы не убрать их аккуратно в шкаф?

– Извольте.

Аладьин подошёл к шкафу и решительно распахнул створки; оттуда на него лавиной обрушился ворох бумаг, пребольно ударив по затылку, и заполонил пространство комнаты. Лепихин расхохотался:

– Полагали, Вы – самый умный, да?

Аладьин не обиделся. Усмехнулся, потирая ушибленную макушку:

– Вот что, Иван Павлович...

– Можно просто Иван, – любезно разрешил тот.

– Хорошо, Иван, – Василий обнял коллегу за плечо, – А можешь ты мне найти живо хорошего плотника? И, чтобы с материалом.

– Запросто!

Когда, спустя час, Иван вернулся в управление с плотником, он от неожиданности раскрыл рот. Все папки с делами стояли ровными стопками на столах, перевязанные бечёвкой. А на подоконнике крутилась девица, намывая оконные стёкла.

– Вот, – радостно сообщил Василий, завязывая узел на очередной стопке, – Акулина Антиповна любезно согласилась помыть нам окна. Уж не знаю, как её и благодарить!

Акулька кокетливо хихикнула. Закрыла помытое до солнечных зайчиков окно, прыгнула с подоконника и, улыбаясь Аладьину во весь рот, сладко заворковала:

– Василий Кириллович, я занавесочки-то уже замочила. К вечеру принесу отутюженными.

– Ну, Акулина Антиповна! – восторженно воскликнул тот, – Ну, что бы я без Вас делал? Кудесница!

– Да, ладно Вам, барин! Скажете тоже.

И Акулька, подхватив тазик, вприпрыжку умчалась, оглушая сенцы задорным хохотом.

Обескураженный Лепихин проводил её взглядом и, наконец, пробормотал:

– Что Вы с ней сделали? Сколь я её знаю, слова доброго от неё не слышал...

– Странно, – пожал плечами Аладьин, – А по мне так весьма милая девица.

И тут же переключился на мужика:

– Иван, это и есть плотник?

– Да.

– Тот самый? Как я просил, лучший в городе?

Лепихин растерялся с ответом. А плотник на эти слова выпрямил спину и задрал кверху бороду.

– Как Вас величать, уважаемый? – спросил его Василий.

– Кузьмой.

– А по батюшке?

– Да, полно, барин. Мы к тому не привыкшие, – смутился он.

Аладьин шустро подхватил плотника под руку и заговорил:

– Понимаешь, Кузьма. Дело очень ответственное и секретное. Нельзя поручить абы кому.

Только мастеру.

– Ага, – кивнул плотник, распираемый гордостью.

– Вот здесь, во всю стену должен встать стеллаж.

– Чего? – не понял мужик.

– Полки, – пояснил Аладьин, – Вот по этому чертежу.

И он протянул плотнику бумагу, где карандашом был сделан его собственный набросок.

Кузьма внимательно поглядел на рисунок, затем на стену и заявил:

– Это можно!

– А доски у тебя есть?

– Имеются.

– Отлично. Но, учти уважаемый Кузьма, что по этому чертежу делаются стеллажи во всех полицейских управлениях Европы.

– Сделаем, барин, не хуже, чем в Европе, – разошёлся плотник, засучивая рукава.

Аладьин обернулся к Лепихину и незаметно подмигнул:

– Один известный итальянский мастер собрал этот диковинный стеллаж всего за два дня!

– Тю! – пренебрежительно бросил Кузьма, – Тоже мне, «мастер»! Да я Вам, господа хорошие, его до захода солнца соберу!

– Неужели, превзойдёшь итальянца? – лукаво поддел его Аладьин.

– Да что они, фрязины, понимают в плотницком деле!

Иван тихо усмехнулся в кулак. Василий оставил Кузьму и переключился на Лепихина:

– Ну, а пока наш мастер будет занят работой, мы с Вами, Иван Павлович, приведём в порядок документы. Знакомо Вам такое понятие – каталог?

Лепихин в недоумении сморщил лоб.

– Ничего. Сейчас узнаете, – пообещал Аладьин.

В самый разгар дня, когда Иван с Василием были заняты составлением каталога, в комнату ввалилась тётка в шерстяном цветастом платке. И прямо с порога заголосила:

– Да что ж это делается? Ведь ограбили, подчистую, черти окаянные. Ничего ж во дворе оставить нельзя!

Лепихин, не долго думая, «перевёл стрелки»:

– Гражданка, у нас теперь новый помощник исправника – Василий Кириллович. Он нынче за старшего. Обращайтесь к нему.

– К Вам что ли? – переметнулась потерпевшая к Аладьину.

– Да.

– Ой, а хорошенький какой! – воскликнула она, прищуриив глаза и расплылась в улыбке, – Не уж-то нынче у нас такие полицейские?

– Назовите себя, – попросил её Василий.

– Так Ращупкина я! – сообщила тётка, – Служу в доме купца Кузнецова. Постирать там и прочее по хозяйству.

– И что у Вас украли? – деловито осведомился тот, приготовившись писать.

– Так верёвку со двора увели!

– Какую верёвку? – растерялся Василий.

– Так с под белья, что во дворе висела.

Лепихин фыркнул:

– Ращупкина, ты бы ещё из-за потерянной катушки ниток сюда пришла!

– А чего? – возмутилась та, – Верёвка-то новая была; только на прошлой неделе куплена.

Аж восемь аршин! Хозяин у меня из жалованья, сказал, взыщет. А я чем виновата? Кто ж знал, что ночью уведут?!

– А украли ночью? – уточнил Аладьин.

– Как пить-дать, ночью! Я ж с вечера бельё замочила. А по утру прополоскала, выхожу во двор, а её – нет! Что ж выходит? Кто хошь, во двор ночью шастай! Бери, чего хошь! И никакой на их управы?!

– Ладно, – вздохнул Василий, – Напишите заявление и опишите подробно, как всё было.

И придвинул Ращупкиной лист бумаги и чернильницу. Та скисла:

– Ваше благородие, так мы грамоте-то не обучены. Вы бы сами написали, а я крестик поставлю.

Аладьин вздохнул и сам составил заявление. Затем деловито одёрнул жилетку:

– Иван Павлович, я – на место преступления.

– А можно и мне с Вами? – подхватился Иван; ему стало любопытно поглядеть, как новый помощник будет расследовать пропажу верёвки.

– Хорошо, – разрешил Василий. И обратился к плотнику, – Кузьма. Остаёшься за старшего. До нашего возвращения никого не впускать и никого не выпускать!

– Как скажете, барин, – радостно откликнулся тот.

Угол улицы Исетская с улицей Большой

Поймали экипаж, доехали до угла улиц Исетской и Большой. Ращупкина повела их к дому хозяина.

– Вон! Вон там она висела, между столбов! – указала она пальцем на пространство, примыкающее ко двору.

– Гражданка Ращупкина, покажите мне Вашу обувь. Подошву, – попросил Аладьин.

– Пожалуйста..., – та робко приподняла ногу.

– Стойте здесь, не двигайтесь! – скомандовал Василий Кириллович.

Сам крадущимися кошачьими движениями перебрался через грязь на обочине и проник на площадку. Покрутился возле каждого столба, в одном месте что-то подобрал. Затем обошёл весь двор, наклоняясь лицом до самой земли. Приблизился к низенькому шербатовому заборчику, оглядел все плашки. В одном месте перелез с трудом, перекинув ногу. Пошёл на дорогу. Кружился там, перепрыгивал через лужи, приседал. Затем выпрямился и поманил к себе Лепихина с Ращупкиной.

– Что ж, мне всё ясно. Воров было двое. Мужчины. Вот здесь у забора чётко видны их большие следы. Один, я думаю, он был помоложе, перелез через заборчик в этом месте; видите серый клочок сукна – он зацепился кафтаном за зубец. Отчего я делаю вывод, что роста он невысокого, примерно с меня. Торопился, поэтому верёвку срезал ножом. Вот, я нашёл верёвочный узел возле одного из столбов. Обратите внимание, срез очень ровный, следовательно нож хорошо отточен. Затем оба вернулись на дорогу. Здесь, к сожалению, за утро проехало много телег и экипажей – следы теряются.

– Здорово, Василий Кириллович! – восхитился Иван.

– Но есть один интересный факт...

Аладьин повёл их через дорогу и указал на кучку земли возле обочины:

– На этой земле есть отпечаток того же следа. Видите, характерный скос на каблуке и зазубрина. Ни в ту, ни в другую сторону дороги дальше следов нет. Из чего я могу предположить, что грабители не ушли пешком, а уехали. Если они ехали на телеге, то вряд ли с намерением украсть Вашу верёвку, мадам Ращупкина. Скорее всего, она им понадобилась неожиданно, по дороге. Но для чего?

– Для чего? – хором переспросили Лепихин с Ращупкиной.

– Вопрос, – Аладьин потёр лоб.

– Василий Кириллович, а что, если они хотели связать жертву? – предположил Иван.

– Для этого верёвку готовят заранее, а не ищут по дороге, – заметил Аладьин, – Обойдёмся без жертв. Всё было гораздо проще. Ночь. Два мужика везут на телеге груз. Телегу трясёт, груз рассыпается. Нужно его связать. Но нечем. И тут они замечают висящую между столбов верёвку! Крадут её. Перевязывают ею поклажу и уезжают.

- Блестяще! – воскликнул Лепихин.
- А мне-то что теперь делать? – возмутилась Ращупкина.
- А Вам, уважаемая, впредь не оставлять верёвок без присмотра.
- Тоже мне, умник нашёлся! – насупилась она и обиженная пошла в дом.

– Ух, лихо Вы всё раскрыли, Василий Кириллович! – радовался Иван, – Можно возвращаться в управление.

Аладьин почесал подбородок:

– Если честно, меня смущает эта куча земли. Она не вписывается в общую грязь на дороге. словно её просыпали здесь. И сделали это именно ночью, поскольку на ней отпечатался след вора. А, может, она просыпалась из их груза?

– Что ж Вы полагаете, что мужики землю везли? – удивился Иван и рассмеялся, – Да на чёрта бы она кому сдалась! Вон её кругом сколько!

– Может быть, она какая-нибудь особенная? – Аладьин присел и начал разгребать землю руками.

Кое-где в ней попадались мёрзлые комочки, глинистые прожилки и крошечные крупинки, похожие на чешуйки слюды. Аладьин вынул из кармана платок и завязал в него горсть земли. Выпрямился, отряхнул руки и сказал:

– Едемте в управление.

Плотник Кузьма встретил их широким жестом руки:

– Ну, господа полицейские, принимайте работу.

– Ух, ты! – восхитился Иван, разглядывая новый стеллаж во всю стену от полу до потолка.

– Молодец, Кузьма, – Аладьин уважительно пожал плотнику руку, – Не подвёл. Мастер!

– На том стоим, барин, – гордый собой задрал бороду плотник.

– Мы сюда теперь все папки разложим? Да? – догадался Лепихин, – А шкаф куда?

– А выбросим эту рухлядь, – предложил Аладьин, – К чему он теперь? Столько места занимает.

– Да что Вы, барин? – всполошился плотник, – Шкаф-то хороший. Старый, добротный. Лаком покрытый.

Василий наклонился к Ивану:

– А чей шкаф?

– А бес его знает, – развёл тот руками, – Сколько служу, он всё тут стоит.

– Слушай, Кузьма, а забирай его себе! – широким жестом разрешил Аладьин.

Плотник оробел:

– Как, забирай?

– Считай, что это оплата за твою работу.

– Что ты, барин, я столько не наработал. Шкаф-то, почитай рублей десять стоит!

– Забирай, Кузьма, – настойчиво повторил Василий, – Пока я не передумал.

– Заберу! – тут же согласился плотник и засуетился, – Вот спасибо-то! Славный барин. Век не забуду! Такой добрый шкаф... Я только за подмогой сбегая; одному-то мне с им не совладать. А ты, барин, точно, не передумаешь?

– Сказал, забирай.

Вечером прибежала Акулина. Принесла выстиранные занавески.

– Надо же, – поразился Лепихин, – Оказывается, они белые!

– Руки у Вас золотые! – похвалил её Аладьин.

Она зарделась, прикрывая лицо кончиком платка. И вдруг достала из-за спины миску:

– Я тут пирожков Вам принесла, Василий Кириллович. А то Вы целый день весь в работе. Голодный, небось.

– А с чем пирожки-то? – потянул носом Иван.

– С картошкой.

– Душа моя, Акулина Антиповна! Благодарница!

И он галантно взял прачку за руку и поцеловал ей запястье.

– Ой, что Вы, Василий Кириллович..., – она прикусила губу и, растрогавшись, убежала.

Василий с Иваном обосновались за столом и принялись уплетать пирожки.

– М-м, вкуснятина какая! – произнёс Иван, – А молодец Вы, Василий Кириллович, ничего не скажешь! У нас в управлении такой чистоты отродясь не было. Окна помыты, занавески чистые. Полки новые. Документы все по буквам расставлены – любо дорого посмотреть. Пирог на столе горячие. И за всё это мы ни копейки не заплатили! Как это Вы так смогли?

– Учись, Иван, с людьми разговаривать, – поделился Аладьин, – Для сыщика – это первое дело.

Поздно вечером Новоселецкий возвращался домой в одном экипаже с городским головой господином Бейвелем.

– Что, Митрофан Иванович, как новый помощник?

– Поживём-увидим, Александр Францевич, – пожал плечами тот, – Уж больно молод, да начитан, оттого гонорист. Эх, столичное воспитание.

– Отсутствие опытности часто бывает основанием храбрости, – заметил Бейвель.

– Это верно, – кивнул Новоселецкий, – Храбрости ему не занимать. А ещё, знаете ли, в одежде уж больно хорохорится. Вырядился нынче в белую рубашечку с запонками, жилетку узорчатую, галстучек шёлковый, замысловато завязанный. Усики напонадил, волосы прилизал.

– Не придирчив ли ты, Митрофан Иванович? – покачал головой тот, – Аккуратность в одежде и хороший вкус ещё никто в пороки не определял.

– Так я, Александр Францевич, его заставил в этом наряде уборку в управлении произвести! – сообщил исправник и зашёлся громким булькающим смехом.

Бейвель усмехнулся в усы:

– Суров ты, братец, в воспитании молодого поколения!

– Ничего! Работать в полиции – не цветочки срезать! Это грязная работа, пушай привыкает!

Проезжая через Южную площадь, Бейвель толкнул Новоселецкого в бок:

– Глянь-ка, Митрофан Иванович, а в управлении у тебя свет горит. Помощники-то до ночи работать взялись? Видать, задал ты им задачу.

– И вправду. Чегой-то они? – растерялся исправник, – Эй, стой! – скомандовал извозчику, – Вот что, Александр Францевич, езжайте домой. А я пойду, проведаю этих горе-работников!

Новоселецкий застал помощников поедающими пирожки.

– Вот, значит, как! Я думал, они в поте лица работают. А они – брюхо набивают! – зычным голосом заявил исправник с порога и вдруг опешил, – Что это? Новые занавески?

– Нет, Митрофан Иванович. Это старые, только постиранные, – ответил Лепихин.

– Однако..., – удивился он, – Светло как стало, просторно. А эт-то что-о?

Новоселецкий тихо опустился на стул, во все глаза уставившись на огромный стеллаж, заполненный папками, на переплёте которых пестрели буквы.

– Это называется каталог, – гордо сообщил Иван, широко улыбаясь на реакцию начальника, – Смотрите, Митрофан Иванович, как удобно – все дела расставлены по годам и по буквам алфавита. Ничего искать не надо. Это Василий Кириллович придумал.

– Молодца-а! – уважительно протянул Новоселецкий, – Не ожидал! Вот за это спасибо; порадовал.

Аладьин скромно улыбнулся в ответ. Исправник потянулся к миске:

– Пироги с чем?

– С картошкой.

– М-м, вкусные. Откуда?

– Акулька испекла.

– С чего это вдруг? – у Новоселецкого подпрыгнули брови.

– Для Василия Кирилловича, – елеинным голосом доложил Лепихин, подражая Акульке.

Исправник покосился на нового помощника:

– А ты ловок, брат, как я погляжу! – рассмеялся и дружески хлопнул Аладьина по плечу.

Уплетая пирожки, Новоселецкий разговорился:

– А доводилось ли вам слышать про грабителя по кличке «Оборотень»?

– Нет, – Лепихин с Аладьиным насторожились.

– Эх, темнота. А ещё в полиции служите, – упрекнул их начальник, – Слушайте, оболтусы. Откуда он взялся и кто таков – неизвестно. Всякий раз он меняет внешность и имя. Оттого никто не знает, как его зовут и как он выглядит. Одно известно – что мужчина средних лет, высок и худощав. Страдают от него купцы и дворяне, потому как ворует он исключительно ювелирные украшения, золото и деньги. Ничего другого не берёт. И действует больно изощрённо; никогда не повторяется. Подолгу в одном городе не живёт. Выпотрошит три-четыре дома и – на дно. Уходит незаметно и в неизвестном направлении. Может не появляться полгода, а то и год. И опять всплывает где-нибудь неожиданно. Пять лет назад впервые появился он в городе Томске. Наделал там шума и исчез. Через год возник в Тобольске. Украл бриллианты самой губернаторши. И – как воду канул. После был след его проделок в Перми. А недавно наш герой побывал в Екатеринбурге.

– Ух, ты! Совсем близко, – прошептал Лепихин.

– Сегодня ротмистр Никитин нас целый день на совещании продержал, – продолжал Новоселецкий, – Из Оренбургской жандармерии посыльный прибыл; они подозревают, что Оборотень свой путь держит на юг. И может направиться либо в Оренбург, либо... к нам.

– Хоть бы к нам! – радостно воскликнул Аладьин.

У исправника нервно дёрнулась щека:

– Ты что, Аладьин, переутомился?

– Так ведь это настоящее дело, о котором я мечтал! Поймать не какого-то пьяницу-ворюгу, а самого «Оборотня»!

– А я поддерживаю Василия Кирилловича, – вдруг поднялся Лепихин, – Верно. Вот бы мы прогремели на всю страну, если бы схватили этого «Оборотня»!

– Обалдели совсем! – рассердился Новоселецкий и стукнул широкой ладонью по столу, – Отставить болтать всякую ерунду!

И неожиданно заметил на столе исписанные листы бумаги:

– А это что?

– Заявление гражданки Ращупкиной о краже в доме купца Кузнецова. И протокол осмотра места преступления.

– Ни дня без происшествий! Что опять украли? – проворчал Новоселецкий, углубляясь в чтение. И вдруг растопырил гневно усы, – Восемь аршин бельевой верёвки?! Да вы что, белены объелись?! Ещё верёвки мы не искали!

– В сыском деле мелочей не бывает, а вдруг это душители? – вкрадчиво произнёс Аладьин и незаметно подмигнул Лепихину.

– Какие «душители»? – опешил исправник.

– Ну, помните, в «Записках» у Путилина убийца-душитель поднял с полу верёвочку и говорит: «Бечёвка – вещь полезительная; из бечёвочки можно петельку сделать».

– А из восьми аршин, я так полагаю – дюжину петелек! – с сарказмом выплюнул Новоселецкий, – Чтоб сразу, кучами душить! Да?!

Аладьин улыбнулся:

– С «душителями» я, конечно, пошутил. Но, всё-таки, присмотрел бы за домом купца Кузнецова. Там у обочины подозрительная куча земли.

– Что?! – взвинтился исправник, – Куча земли?! Вы, господин Аладьин, погуляйте по городу. У нас таких «подозрительных куч» на каждом углу, – и вдруг осёкся, испуганно закрутил головой, зашарил глазами по стенам, – А где... где? Куда подевался мой фамильный шкаф?!!!

День второй

Наутро Новоселецкий распорядился:

– Вот что, Аладьин, собирайтесь; поедем с Вами по городу. Покажу наши полицейские участки. Представлю Вас надзирателям. Заодно и инспекцию им проведём! – и он довольный собой хрюкнул в усы, – Лепихин! Остаёшься за старшего.

Сперва поехали по Скобелевской улице.

– Вот слева, глядите, дом председателя городской думы Трофимова, – проводил экскурс Митрофан Иванович, – Дальше по правой стороне известный Вам дом Дядина. А вот сейчас на самом краю возле площади будет мой дом. От меня через дорогу напротив – дом городского головы господина Бейвеля. Мы с ним уже пять лет дружим по-соседски.

Аладьин с удивлением отметил про себя, в каких простых домах живут и городской голова и уездный исправник; одноэтажные бревенчатые с низеньким палисадником. Купеческие дома, рядом с ними выглядели куда богаче и значительней.

В центре площади над каменным фундаментом рабочие натягивали строительные леса. Рядом сгружали красный кирпич.

– Новую церковь закладывают, – пояснил Новоселецкий.

Ул. Скобелевская. Вдали виден храм Александра Невского.

Свернули направо. На углу вкусно пахнуло сдобой, аж слюна выделилась.

– Тут у нас Гузньевская пекарня, – прокомментировал исправник, – А сразу за углом живёт славный скорняк Крупин. Мотайте на ус, Василий Кириллович, если в том будет нужда.

Перед въездом на узенькую улочку под названием Луговая извозчик остановил лошадь:

– Извиняйте, Ваше высокородие. Но к участку не поеду – увязну. Ишь как развезло-то!

И верно; улочка вся была полная талой водой. Новоселецкий покряхтел и сошёл с экипажа. Аладьин – за ним. Погружаясь по щиколотку, а где и по самую голень в воду, они дочапали к крылечку скромного деревянного домишки.

– Тут у нас третий участок, – сообщил Новоселецкий, поднимаясь на крыльцо, – Но надзирателя нет; исполняющий дела Григорьев, – и он отчаянно ударил кулаком по двери, – Яков! Открывай!

Но на дверной дужке оказался висячий замок.

– Тьфу ты! Едрёный конь! – сплюнул исправник, – Шляется где-то. Зря выпачкались. Айда обратно!

По другой, менее грязной, улице экипаж выехал на Ивановскую.

– Дом общественного собрания; вон то здание с маленькими башенками на крыше; один из домов купцов Покровских, – продолжал Новоселецкий, – А напротив – татарская мечеть.

Подъехали к мосту.

– Второй полицейский участок находится в Заречной части города. Съездим уж и туда, пока мост не сорвало.

– В каком смысле «не сорвало»? – не понял Аладьин.

– Да почитай каждый год опоры ледоходом срывает, – пояснил Новоселецкий.

Ул. Ивановская. Дом Общественного собрания.

Угол ул. Ивановская и ул. Азиатская. Мечеть.

Возле моста произошёл затор. Какой-то незадачливый возница потерял колесо, и с его телеги рассыпались деревянные бочки, заполонив дорогу. Крестьяне, что толкались на мосту, кинулись ловить разбежавшийся товар. Бабы визжали, уклоняясь от летящих на них бочек. Мальчишки хохотали и прыгали в грязи. Извозчики, лишённые возможности проезда, на все лады костерили неудачника. С Соборной площади тянулся народ – поглазеть на весёлое зрелище.

Аладьин вытянул шею и невольно рассмеялся, наблюдая, как убегающий от бочки паренёк лихо вскарабкался на фонарный столб. И тут Василий увидел ЕЁ...

Она стояла на крыльце двухэтажного каменного здания возле моста. И весело хохотала над сидящим на столбе пареньком.

Аладьин, точно под гипнозом, потянулся в её сторону и чуть не вывалился из экипажа. Подумать только! Он и предположить не мог, что в далёком уездном городе живут такие красивые барышни!

Она была, какая-то неземная. Точно сошедшая с полотна художника, где весь мир выполнен неровными мазками, на фоне которых она светилась так отчётливо и ярко, что невозможно было глаз отвести.

Уже освободился мост. И тронулся их экипаж. А Василий всё задирает назад голову, чтобы продлить это счастливое мгновение. Пока Новоселецкий не одёрнул его:

– Что там такое, Василий Кириллович? Кого Вы высматриваете?

Второй полицейский участок на Береговой улице Аладьин посетил, как во сне. Пока Митрофан Иванович строго говорил с надзирателем, отчитывая того за какие-то провинности, Василий сидел на лавке с глупым выражением лица и тихо улыбался. А перед глазами его летали радужные круги, как, если бы он долго смотрел на солнце...

Возвращались той же дорогой. И Аладьин с нетерпением ждал приближения того места, где часом раньше на него снизошла благодать. Разумеется, диковинной красавицы там уже не было. По улице, мимо каменного дома сновали горожане, жизнь уездного города текла своим чередом, ничем не примечательно.

Василий грустно вздохнул и подумал: «А, может, мне это привиделось?» Но, на всякий случай, спросил Новоселецкого:

– А чей это дом?

– Купца Ахметова.

Угол ул. Уфимской и ул. Сибирской. Дом купца Ш. Ахметова.

Обогнули площадь с главным городским храмом Христорождественским и выехали на улицу Большую. Пересекая Исетскую, Аладьин покосился на дом купца Кузнецова; там во дворе между столбов полоскалось на ветру выстиранное бельё, видимо, на новой верёвке.

По левую сторону проплыло здание духовного училища с Покровской церковью, а следом – могучие синие купола женского Одигитриевского монастыря. Впереди замаячила уже знакомая Аладьину дорога, ведущая мимо кладбища к железнодорожной станции.

Христорождественский собор

Ул. Большая. Одигитриевский монастырь.

– Четвёртый участок самый тяжёлый, – признался Новоселецкий, – Это привокзальная часть. Сейчас увидите, какое это печальное зрелище: строения исключительно деревянные, улицы не распланированы, не замощены, фонарей нет, всюду непролазная грязь. Хорошей питьевой воды, и той нет. Зато вина с водкой – в избытке! Работать в полиции там никто не желает, потому как место скверное. От города в стороне. Народишко живёт разносортный, тёмный. Даже посёлки там названия носят характерные – Колупаевка, Шугаевка да Грабиловка. При случае сажай любого – не ошибёшься.

– Почему?

– Наибольшее число преступлений у нас – оттуда. Видишь ли, место это обжилось и выросло за счёт проведения железной дороги. Сперва тут селились разные служащие при дороге. Потом – мелкие торговцы. И все постройки возникали без всякого на то разрешения городских властей. А некоторые до сих пор являются самовольными. За десять лет территория разрослась до огромных размеров. Двадцать семь тысяч населения в ней! И на всё хозяйство у меня там один надзиратель, и тот исполняющий дела местный офицер Волосов. Да два урядника. А там один Переселенческий пункт чего стоит!

– А что это такое?

– Это большой участок недалеко от станции, застроенный бараками. Там получает временное пристанище весь без разбору люд, проезжающий через станцию Челябинск, – Новоселецкий недовольно поморщился, – Расписание поездов сделано так, что к нам на станцию из центральной части России поезда приходят дважды в день. А от нас в Сибирь – только раз в неделю. Вот они и толкуются тут бесконечно! Попробуй – уследи!

– Митрофан Иванович, – вкрадчиво произнёс Аладьин, – А ведь, если бы к нам пожаловал Оборотень, это для него лучшее место.

– Да без тебя знаю! – огрызнулся тот.

От станции свернули направо и тут же угодили в непролазную грязь. Экипаж начало болтать из стороны в сторону. Возница нервничал, кричал, дёргал поводья.

Картина Николаевского посёлка предстала в глазах Аладьина именно такой, как нарисовал её Новоселецкий – убогие низенькие домишки, выстроенные до того беспорядочно, что улиц не разобрать. Повсюду грязь, лающие собаки и сомнительного вида народец. Особенно резали взгляд чумазые цыгане и нищие-попрошайки.

Остановились возле забрызганного грязью крыльца покосившейся деревянной хибары. Новоселецкий прыгнул с экипажа и пошёл внутрь. Аладьин – за ним, брезгливо избегая возможности прикоснуться к чему-либо.

– Здоров будешь, Филипп! – громогласно поприветствовал исправник рослого детину, разжигающего печь.

– Доброго здоровья, Митрофан Иванович.

– Где сам?

– Гордей Зиновьевич? Так на насыпь ушёл; там поутру убитого нашли.

– Кто б сомневался..., – пробубнил себе под нос Новоселецкий, – Ладно. Тогда и мы – туда.

– Может, чайку? – любезно осведомился Филипп, хватая с полу закопчённый до черноты чайник.

– Нет-нет! – спешно возразил Аладьин, переменявшись в лице.

– Некогда. В другой раз, – ответил Новоселецкий.

Николаевский посёлок при станции.

До окраинной улицы доехали на экипаже. Дальше – пешком по насыпи к железнодорожному полотну. Там толпился народ. Митрофан Иванович уважительно пожал руку офицеру в синем форменном кафтане:

– Будь здрав, Гордей Зиновьевич. А я вот к тебе с визитом знакомства, так сказать. Новый помощник у меня теперь, господин Аладьин.

Василий Кириллович обменялись с Волосовым почтительным кивком головы.

– Ну, а у тебя нынче что?

– Да вот, обходчик утром обнаружил, – ответил тот, кивая на разрезанный надвое труп мужчины; голова и туловище которого лежали между рельсами, а ноги – на насыпи, – Обычное дело; под поезд бросился.

– Обычное? – удивился Василий, – А отчего они у Вас под поезд кидаются?

– Так всё от одного – от пьянства, – пояснил надзиратель.

– О, Миней Диевич! И ты здесь? – окликнул Новоселецкий урядника.

– А как же, Митрофан Иванович, – откликнулся сипло тот, – Подозреваю, что убиенный-то с моей Шугаевки будет. За женой послали, для опознания.

– А ты чего сипишь? – поддел его исправник.

– Так погода – дрянь. Галоши украли. А сапоги промокают, – пожаловался Миней.

– Это у тебя-то украли?! – поразился Новоселецкий, – У урядника?!

– Наши не больно-то разбирает, у кого красть, – обиженно буркнул тот, – Где сумели, у того и увели.

– Ваше высокородие, – тихо влез в разговор Аладьин, – Дозвольте, я труп осматрю?

– Смотри, – разрешил Митрофан Иванович.

Василий присел перед убитым и начал пристально разглядывать его. Наклонился, понюхал рубаху. Затем, стараясь не смотреть на разворошенные внутренности, переместился к отрезанным ногам трупа и долго рассматривал подошвы его грязных сапог. Сковырнул с них что-то к себе в платок, завязал узлом, спрятал в карман.

Озадачился и начал кружить по насыпи, вглядываясь под ноги, точно потерял что. Спустился вниз к дороге, вернулся. Побежал в другую сторону, через пути в направлении Шугаевского посёлка.

– Помощник-то у тебя, суетливый какой, – заметил Гордей.

– Университетского образования, – гордо намекнул Новоселецкий, – По протекции самого господина Столыпина! Это вам не хухры-мухры! Пушай смотрит.

Василий тем временем вновь вернулся на место происшествия. Снял с себя одну галошу, скovyрнул с неё кусок налипшей грязи и тоже завязал в платок. Опять склонился над трупом и начал въедливо разглядывать его руки; даже вынул лупу из внутреннего кармана жилетки.

И вдруг обнаружил, что пальцы на правой руке плотно зажаты. Аладьин принялся настойчиво разжимать заостренелые члены и, наконец, выцарапал из ладони мертвеца... камушек, неровный жёлто-бурого цвета, размером с копеечную монету.

Василий приложил камушек к насыпи, пытаясь понять, мог ли умирающий перед смертью просто загрести в ладонь камни, коими посыпаны шпалы.

В эту минуту позади раздался женский отчаянный вскрик:

– Семё-о-о-н!! Сенечка-а-а...

И женщина, буквально оттолкнув Василия, бросилась в слезах на труп.

– Ну, вот вам, пожалуйста, и опознание, – констатировал урядник, – Покойник из Шугаевки, Дюрягин Семён.

– А чем он занимался? – спросил Аладьин, подходя ближе и машинально пряча камешек, извлечённый из ладони мертвеца, к себе в карман жилетки.

– Да ничем; где какую работёнку найдёт, на то и соглашался, – ответил Миней Диевич Василий обратился к Волосову:

– Гордей Зиновьевич, а почему Вы решили, что Дюрягин сам бросился под поезд? Может, его убили?

– Не, – решительно возразил тот, – Ежели б убили, то непременно ограбили бы. А обходчик его нашёл одетым. Видите, даже сапоги на нём.

– Да, сапоги у него примечательные..., – пробубнил тихо Василий.

– И упал он не под паровоз, иначе бы от него одно месиво осталось, – продолжал Волосов, – А, скорее под состав, где-то под последние вагоны. Полагаю, пьяный шёл домой из Никольского посёлка. Переждал состав, да и свалился под колёса. Уж, поверьте, господин Аладьин, я за свою службу их тут посмотрелся вдосталь, кого поезд переехал. Расскажу всё, как было; к гадалке не ходи!

– Знаете, а вином от него совсем не пахнет, – возразил Аладьин.

– Правильно. Потому как мертвяком от него пахнет! – заявил Миней и махнул рукой, – Айда в участок! Хватит тут стоять; ноги мёрзнут! Забирайте жену Дюрягина с собой; будем протокол оформлять.

Пока спускались с насыпи, Аладьин любезно поддержал под руку рыдающую вдову:

– Скажите, уважаемая, а чем Ваш муж зарабатывал на жизнь?

– Так он никакой работой не брезговал, – размазывая слёзы, сообщила она, – Одно время всё на мост ходил. Перебивался, чем бог пошлёт. А потом его какой-то барин нанял.

– Какой барин?

– Да я не знаю. Сенечка у его с покрову работал. Далеко, видать, потому как домой он не приезжал. Но денежки каженный месяц приносили.

– Кто? – удивился Василий.

– Так посыльный.

– И что говорил?

- А чего говорил? Так и говорил, мол от супруга твоего, заработанные.
- Много ли денег приносил?
- На еду хватало, – неопределённо ответила женщина и вновь залилась слезами, – Ох, горе мне! Кто же нас теперь кормить-то будет?!
- Постойте, – задумался Аладьин, – Выходит, что Вы мужа с самого покрову и не видели?
- Не видела, – подтвердила вдова.
- А одежда, что на убитом была, его?
- Его, его. И кафтан и сапоги. Почитай, уж лет пять как им купленные.

Исправник с помощником в участок не поехали. Продолжили намеченный маршрут и двинулись к Переселенческому пункту.

Для Василия Кирилловича было любопытно ознакомиться с подобным объектом, который он видел впервые. Переселенческий пункт в Челябинске выглядел целым посёлком. Большое множество добротного выстроенных барачных, и больших и поменьше. Две столовые, баня для переселенцев, прачечная, водогрейка и отдельный больничный двор с десятью бараками для больных.

Из интереса Аладьин напросился заглянуть в один из жилых барачных.

Вдоль стен были устроены подъёмные нары, где в один, а где и в два яруса. А в середине комнаты – печь. Вот и вся незатейливая обстановка.

Главный въезд на Переселенческий пункт.

Общий вид Переселенческого пункта.

Новоселецкий повёл помощника в дом Переселенческого управления. Внутри было чисто и светло. Исправник снял шапку, пригладил усы и поприветствовал чиновника:

- Здравствуй, Павел Никтополианович, как жив-здоров будешь?

– Спасибо, Митрофан Иванович. Сам-то ничего. Заведующий прихворал; подагра его скрутила. Так вот, видишь, нынче я дела исполняю.

– Владимиру Петровичу от меня поклон передай, пушай поправляется. А к тебе, значит, у нас дело будет. Вот, представляю, мой новый помощник, господин Аладьин.

– Очень рад, – кивнул чиновник, – Может, отобедаете со мной? Супруга холодца наварила.

– С превеликим удовольствием, – согласился Новоселецкий и подмигнул Василию, – Ох, Лизавета Карповна – мастерица. Холодец у неё – пальчики оближешь! Но сперва – дело. Помощь мне твоя нужна, Павел Никтополианович.

– Завсегда рад, – откликнулся тот, – Ежели чем могу?

– Ты учёт переселенцам ведёшь, как полагается?

– Не извольте сумлеваться; всё записываю, Митрофан Иванович; кто когда прибыл. Кто когда убыл. Больных, умерших.

– Это хорошо. Записывай тщательно, Паша. Да приглядывайся к новым людишкам. Нужен мне один человек. Много про него не скажу – росту высокого, худощавый, средних лет. Имя может быть любое.

– Ну, Митрофан Иванович, – покачал головой чиновник, – Тут добрая четверть под такой портрет подойдёт. Может, ещё чего припомнишь?

– Может статься, что приедет с девчонкой лет двенадцати.

– Это ещё куда ни шло. С девчонкой-то оно приметнее будет.

– Ты, Пашенька, за всеми, кто похож будет, соседей приглядывать заставь. Чтоб всё тебе аккуратно докладывали: куда ходил, когда вернулся, чего принёс, о чём говорил. Ну, ты меня понимаешь. Очень важная это птица, проглядеть нам его никак нельзя.

– Понимаю. Будем стараться, Ваше высочорodie.

Когда, отобедав у Герсевановых на Переселенческом пункте, отправились в обратный путь, Аладьин не удержался:

– Митрофан Иванович, а почему Вы Герсеванову сказали, что подозреваемый может приехать с девчонкой?

– Когда на совещании у ротмистра Никитина все преступные дела «Оборотня» обсуждали, заметили такой факт: в отдельных случаях при совершении преступления фигурирует девчужка. По данным протокола из города Томска при краже в доме судьи была девчонка-сиротка лет десяти-двенадцати; попросилась в дом за милостыней. Пока прислуга сироту кормила, из кабинета судьи деньги пропали. И в одном случае из Тобольска тоже в деле была девчонка замешана. В доме богатого купца объявился страховой агент; купец тот решил ценные бумаги и бриллианты супруги застраховать. Сделку оформили, и надумали это дело отметить. Страховщик пришёл к купцу на званый обед с дочерью. Весь вечер был на виду у хозяев. А девчужка с хозяйскими детьми в прятки играла. Опосля ухода гостей, купец обнаружил, что все бриллианты из комнаты супруги похищены. В банке же подтвердили, что агента такого у них отродясь не бывало.

– Талантливо действует «Оборотень», – восхитился Аладьин.

– Да, мастерства ему не занимать, – вздохнул Новоселецкий, – Некоторые из жандармерии склонны полагать, раз «Оборотень» девчонку с собою по городам возит, то не приходится ли она ему дочерью?

– Возить с собою дочь в его положении не разумно, – заметил Василий, – Ребёнок – это узвзимое место преступника. Впрочем, нам это обстоятельство было бы на руку.

Вернулись в управление уже под вечер. В кабинете застали Лепихина и двух взъерошенных мужичков с побитыми лицами.

– Адащенко! Старый знакомый! – воскликнул весело Новоселецкий, – Кто ж это тебя так разукрасил?

– Обокрали меня, Митрофан Иванович, – подхватился тот, прижимая шапку к груди, – Обворовали в собственном доме! Вот он!

– Ничего я у тебя не крал! – тут же ошетинился второй.

– Кто таков? – строго спросил исправник.

– Сосед он мой, Макин, – пояснил быстро Адащенко, – У, ворюга!

– Я тебе сейчас за «ворюгу»!

– А ну, цыц, оба! – рявкнул Новоселецкий, – В полицейском управлении сидите, не у кума на блинах!

И, скинув кафтан с шапкой, деловито уселся за стол. Пригладил усы:

– Лепихин! Доложи обстоятельно, что тут произошло?

– Со слов гражданина Адащенко, вчера он «разжился» спиртом. И позвал к себе соседа Макина. Спирт разбавляли водой и пили. Вскоре назюзюкались и уснули. Наутро Адащенко проснулся – ни соседа, ни спирта. Пошёл к соседу на разборку. Вот они друг друга и расписали «под хохлому».

– Так-ак. В чём был спирт? – спросил Новоселецкий.

– Вот в этом бидоне, – Иван указал на жестяной бидон, что стоял на столе.

Митрофан Иванович открыл крышку бидона, понюхал. Удивился:

– Так сюда, пожалуй, литр с лишним войдет. Адащенко! И где это ты так славно «разжился»?

Тот заюлил:

– У племянника купил.

– А племянник где взял?

– А это уж не моя забота. У его жинка в больнице работает.

– Ага! Выходит, спирт-то краденный! – сделал вывод исправник.

– Митрофан Иванович! Да как же можно? Вы же меня знаете, я не вор. Я на жисть честно зарабатываю. Я за спирт полтинник отдал. Вот истинный крест!

– Ладно-ладно, – шикнул на него Новоселецкий, – Сколь, говоришь, выпили-то?

– Так и половины не осилили! А утром я просыпаюсь – бидон пустой! И этого упыря дырка свист!

– Ну, а ты что скажешь, Макин? – обратился исправник к соседу.

– А то и скажу – не брал я евонного спирту. Выспался ещё до свету и домой ушёл.

– Врёт! – заверещал Адащенко, – Окромя его, взять было некому! Ко мне больше никто не заходил!

– Откуда ты знаешь, если спал? – поддел его Новоселецкий.

– Я... я... я чутко сплю! – нашёлся тот.

– Разрешите? – вступил в разговор Аладьин, – Скажите-ка, уважаемый Адащенко, а где была крышка от бидона, когда Вы проснулись?

– На столе лежала, – ответил тот. Взял крышку и положил её на столешницу, – Вот так. Нет! Вот так, – и перевернул ручкой книзу.

– Всё ясно, – констатировал Аладьин, – Никто у Вас спирта не крал. Вы его сами прозевали. Он за ночь испарился.

– Чего это? – не понял Адащенко.

– Как испарился? – переспросил Лепихин.

– Естественным образом, – пояснил Аладьин, – Видите ли, господа, спирт, как химический элемент, содержит в себе соединение водорода и обладает летучими парами; оттого его надлежит держать всегда в плотно закрываемых сосудах. Ваша ошибка, гражданин Адащенко,

в том, что Вы не закрыли бидон. Горлышко у него весьма широкое, площадь испарения велика. К утру остатки спирта из него благополучно выветрились. Предлагаю считать дело закрытым, господа.

– Оказывается, химия – великая наука! – вдохновенно заметил Лепихин, когда оба горесобутыльника ушли по домам.

– Молодец, Аладьин, – развёл руками Новоселецкий, – Ну, Иван Павлович, надеюсь, в остальном сегодня обошлось без происшествий?

– Так точно, Ваше высочорodie! – подтвердил Лепихин.

– И у нас – без особых. Так, один пьяница из Шугаевки под поезд упал.

– Митрофан Иванович. Извините, но я не согласен, – неожиданно возразил Аладьин, – На мой взгляд, в деле о смерти Дюрягина много противоречивых фактов.

– Та-ак, – Новоселецкий набычился, – Ну, и что это за факты?

– Извольте, – Василий обосновался за столом напротив обоих и начал обстоятельно докладывать, – Я узнал от вдовы, что Дюрягин почти полгода был где-то на заработках далеко от дома. И я нахожу странным, что после столь долгого отсутствия его находят вдруг недалеко от родного посёлка под колёсами поезда. Как он там оказался?

– Ничего странного, – парировал Новоселецкий, – Возвращался с заработков. По этому случаю напился в трактире и по дороге домой упал под состав.

– Если он возвращался с заработков, то при нём должны были быть деньги, – заметил Василий.

– Деньги запросто могли украсть ещё в трактире, – пояснил Митрофан Иванович.

– Допустим. Но я склонен полагать, что Дюрягин не мог сам прийти к месту, где его обнаружили, – заявил Василий, – Я очень тщательно обследовал подошвы его сапог. Вот взгляните.

Он достал из кармана платок, развязал и представил на обозрение комочки земли:

– Я скovyрнул это с его обуви. А вот это, – он достал из другого кармана второй платок и показал комок слипшейся грязи с мелкими камушками, – Я снял со своей галоши после того, как прошёл по насыпи до дороги в сторону Никольского посёлка, а затем в сторону Шугаевки. То есть там, где должен был пройти Дюрягин. Смотрите; совершенно очевидно – состав их отличен друг от друга. Спрашивается, как мог прийти Дюрягин к железнодорожному полотну и не нацеплять на подошву этой липкой грязи с камушками, которой там в изобилии?

Новоселецкий с Лепихиным в недоумении уставились на содержимое платков.

– Но это ещё не всё, – продолжал Аладьин, – При осмотре трупа я обнаружил, что земля такого же состава, что и на подошвах, присутствует в изобилии на одежде и в волосах Дюрягина. А в области затылка у него – запёкшиеся кровоподтёки. По всей видимости, у покойного была сломана шея. И, если принять во внимание, что признаков трупного окоченения уже не было, то я готов предположить, что колёса вагонов раздавили не живого человека, а холодный труп. Дюрягин же умер где-то совсем в другом месте и многими часами раньше.

Повисла тяжёлая пауза. Лепихин застыл с разинутым ртом, рисуя в воображении эту страшную картину. Новоселецкий сурово шевелил усами и тихо сопел. Наконец, вымолвил:

– Я должен подумать обо всём, что Вы сказали, до завтра.

– Извольте, – миролюбиво согласился Аладьин.

Лепихин ускакал домой. А Новоселецкий предложил Аладьину:

– Садитесь в экипаж, Василий Кириллович; подвезу Вас до дому. Всё равно по пути.

В дороге исправник смягчился и произнёс, усмехаясь в усы:

– Задали Вы мне задачку с этим Дюрягиным! Ночью не усну – буду думать. Да-а, нелёгкий выдался денёк, – и легонько толкнул помощника в бок, – А, знаете что? Я приглашаю Вас сегодня в гости к местному предпринимателю господину Чикину. По случаю именин дочери он

устраивает праздничное застолье. Отдохнёте, отвлечётесь. За одним, познакомитесь с обществом. Будет много молодёжи. Соглашайтесь! Чего Вам киснуть дома?

– Я с радостью, – откликнулся Василий, – Только мне необходимо сменить рубашку.

– Условимся, в семь я за Вами зайду.

– Митрофан Иванович, а это будет удобно? Прийти без приглашения?

– Как это без приглашения? Чикин пригласил меня, а я – Вас! – рассмеялся Новоселецкий.

Двухэтажный каменный дом Чикина оказался на улице Исетской недалеко от дома купца Кузнецова. Хозяин дома Александр Адрианович встретил незваного гостя с небывалой любезностью:

– Господин Аладьин? Наслышаны о Вас; жаждем личного знакомства. Прошу!

В столовой на первом этаже оказалось множество народу. Появление новых гостей вызвало всеобщий интерес.

– Господа! – сообщил хозяин, – Рекомендую недавно прибывшего к нам из столицы господина Аладьина, – и обратился к Василию, – Позвольте представить Вам семью. Супруга Елена Аркадьевна. Сыновья Николай и Константин.

Николаю на вид было около двадцати, Константин был в форме гимназиста.

– Моя младшая дочь Машенька, – продолжал отец семейства, – И вторая дочь Оленька, восемнадцатилетие которой мы сегодня отмечаем.

– Очень рад. Примите мои искренние поздравления, – сказал Василий.

– А теперь разрешите представить Вам почётных гостей, – и Чикин быстро повёл Аладьина через зал.

– Общественный деятель и нотариус господин Туркин Пётр Филиппович.

– Очень рад, – кинул Василий.

– Купец второй гильдии Крашенинников Михаил Николаевич.

– Добрый вечер.

– Купец третьей гильдии Дядин Михаил Иванович.

– Рад знакомству, – улыбнулся Василий, – Имею честь проживать в Вашем доме.

– Весьма приятно, господин Аладьин, – откликнулся хозяин меблированных комнат.

Александр Адрианович деловито потёр ладони:

– Что ж, своих приятелей и подруг Оленька представит Вам после сама. А сейчас прошу всех к столу, господа! Митрофан Иванович, проходите, присаживайтесь с господином Аладьиным от меня по левую руку.

Гости живо разместились за столом и праздничный ужин начался. Несмотря на оживлённую беседу, так или иначе, всё внимание было приковано к новому субъекту.

Аладьин сперва чувствовал лёгкое смущение, но вскоре осмелел и стал тоже разглядывать присутствующих. И неожиданно рядом с именинницей заметил свою волшебную фею, увиденную утром на мосту. Это обстоятельство так обрадовало Василия, что полностью захватило его воображение. Он «выпал» из общей застольной беседы и долгое время был увлечён лишь тем, что украдкой смотрел на прелестную незнакомку.

После ужина поднялись на второй этаж в гостиную. Оленька сыграла на рояле разученную для торжественного случая сонату. А затем под рукоплескание гостей исполнила нежный романс.

На протяжении этого домашнего концерта Аладьин стоял у окна и продолжал тайно следить за очаровавшей его барышней, поглощая каждое её движение.

– А теперь я объявляю танцы! – весело сообщила Оленька.

Василий приободрился, полагая, что у него, наконец-то, появился шанс познакомиться с таинственной красавицей, пригласив её на танец. Но не тут-то было.

Чикин тут же оказался рядом и подхватил его под руку:

– Любезный Василий Кириллович, не желаете ли составить партию в бильярд?

Пришлось согласиться.

В соседней с гостиной комнате, куда удалились все представители мужского общества, находился бильярд, длинный диван и круглый карточный стол. Окна и вход в комнату закрывали тяжёлые портьеры. Здесь мужчины почувствовали себя свободнее. Расстегнули куртки, закурили сигары. За столом тут же обосновались Новоселецкий с купцами и Туркиным с намерением игры в покер.

– Разбивайте, – предложил хозяин Аладьину, – указывая на выложенные в ровный треугольник шары.

В течение следующего часа Василий узнал о котировке цен на муку, о ликвидности рынка и биржевых индексах, и о банковских процентах для долгосрочных вкладов. Челябинские купцы и предприниматели активно интересовались положением данных вопросов в Петербурге и Москве. И Василий, в меру своих познаний, старался удовлетворить их запросу.

Партию в бильярд он, к своему удивлению, проиграл.

Распахнув тяжёлые портьеры, в комнату проскользнула именинница:

– Папенька. Нам хотелось бы тоже провести немного времени в обществе господина Аладьина, если, конечно, он не будет возражать?

– Что Вы, Ольга Александровна, – улыбнулся ей Василий, – Любое Ваше желание сегодня – закон. Я с удовольствием присоединюсь к вам.

– Господин Аладьин, Вы просто нарасхват! – усмехнулся Новоселецкий.

Оленька радостно схватила Василия за руку и потянула в гостиную.

Очувтившись вновь в большом светлом зале, Василий понял, что танцы он пропустил. Молодое поколение, стянув стулья в круг, увлечённо играло в «фанты». Детей увели в детскую. А дамы старшего возраста обосновались в креслах около камина, обсуждая свои темы.

Но пройти мимо них беспрепятственно не удалось. Хозяйка дома Елена Аркадьевна быстро перехватила гостя из рук дочери:

– Василий Кириллович! Уделите нам несколько минут внимания.

– Ну, маменька! – воспротивилась было Оленька, но тут же умолкла под строгим взглядом матери.

– Мы обратили внимание на Вашу изысканность в одежде, и потому нам показалось, что Вы, Василий Кириллович, могли бы разрешить наш спор, – любезно заметила Елена Аркадьевна, настойчиво увлекая Аладьина к камину.

– В чём предмет Вашего спора? – спросил он.

– Скажите, как нынче носят в столице юбки; расклешёнными книзу или же от бедра? И правда ли, что корсеты выходят из моды? Или это слухи, что распускают феминистки?

Аладьин подавил невольную улыбку и ответил:

– С этого года в моду вступает стиль «неогрек». Талии нынче завышенные. А юбки прямые. Это новое направление Поля Пуаре из его последней коллекции «Платья Директории».

Данное известие произвело фурор; дамы ахнули и буквально вцепились в Аладьина, непременно желая знать подробности. Василий Кириллович отделался тем, что пообещал мадам Чикиной прислать журнал с фотоснимками коллекции Пуаре.

– С превеликим трудом, но мне удалось похитить нашего уважаемого гостя из рук папеньки и «тата»! – торжественно сообщила Оленька, выпуская Аладьина в круг молодых гостей, – Давайте знакомиться! Моего старшего брата Николая Вы уже знаете...

Она указала на белокурую пару юноши с девушкой:

– Брат и сестра Дядины: Георгий Михайлович и Татьяна Михайловна.

Девушка протянула руку для поцелуя и, широко улыбаясь, заметила:

– Все зовут меня Татой.

– Я запомню, – пообещал Аладьин.

Следующей была барышня с миндалевидными карими глазами, как у господина Туркина.

– Лидия Петровна Туркина.

– Очень рад.

– Владимир Михайлович Крашенинников.

Высокий плечистый молодой человек крепко пожал руку Василию.

Наконец, дошла очередь до той, чьё имя Аладьин желал услышать более всех прочих.

– Анна Яковлевна Исупова.

«Анна Яковлевна Исупова», – три раза подряд повторил он про себя, точно заклинание, – касаясь губами её руки.

– А это господин Весновский Виктор Александрович, редактор нашей газеты «Голос Приуралья», – рекомендовала последнего гостя Оленька.

Редактору было на вид чуть больше тридцати. Русые волосы, зачёсанные за уши. Очки в круглой оправе. И внимательный, изучающий взгляд. Он обменялся с Аладьиным рукопожатием и неожиданно произнёс:

– Экий затейливый узел у Вас на галстуке.

– Затейливые узлы – это моя специфика, – уклончиво отшутился Аладьин, – Я люблю их не только завязывать, но и... развязывать.

– Bravo, – заметила Лидия Туркина, – Это отличная метафора, Василий Кириллович, – и мстительно обратилась к Весновскому, – Изволили получить, господин Ёж?

Аладьин в недоумении посмотрел на Виктора Александровича.

– Несравненная Лидия Петровна злится на меня, – пояснил тот, – Я не в должной мере выполнил условия её фанга.

– Называя Вас «ежом», Виктор Александрович, я имела в виду ваши иголки, которые Вы всегда с удовольствием втыкаете в собеседника, – тут же парировала Лидия, – А что касается условия фанга, так в отношении меня Вы не выполнили его вовсе!

– Ну, право же, Лидия Петровна. Я не знаю! – воскликнул Весновский, обиженно скрестив на груди руки.

Оленька взялась прояснить ситуацию:

– Василий Кириллович, по условиям фанга господин Весновский должен был придумать каждому из нас образ животного, с которым он видит ассоциацию данного субъекта.

– Как интересно! – поразился Василий.

– Я, например, в устах Виктора Александровича оказалась «домашним котёнком», – поделилась именинница, – А Николая – «шустрым бобром».

Все дружно рассмеялись, вспоминая услышанные прозвища.

– Вообразите, я была «игривой белой овечкой»! Бе-е-е! – добавила Тата Дядина, изобразив ножкой танцевальное па.

– А я – «могучий лось»! – басом произнёс Владимир Крашенинников, приставив к голове растопыренные пальцы, будто ветвистые рога.

Аладьин весело хохотал вместе со всеми, про себя отмечая, что господин Весновский подобрал для всех весьма меткие прозвища. Ему хотелось узнать, что сказал редактор про Анну Яковлевну. Но та предпочла не озвучивать этот факт. И лишь задорно смеялась.

– Ну, вот, а когда дело дошло до Лидии Петровны, – продолжала Оленька, – Господин Весновский так и не смог подобрать никаких ассоциаций.

– Это было просто бестактно с Вашей стороны, уважаемый Виктор Александрович, оставить меня одну без сравнения, – высказала в сердцах Туркина и отвернулась.

– Да, это несправедливо, – заметил Аладьин и обратился к Весновскому, – Хотите, я Вам помогу?

Все встрепенулись в предвкушении. Весновский же манерно повёл плечами:

– Это противоречит правилам фанты. Впрочем, если только этого хочет сама Лидия Петровна...

– Да, – громко заявила Лидия, – Хочу! Будьте любезны, господин Аладьин. Скажите, с кем из животных Вы могли бы меня сравнить?

– Наблюдая Вас, несравненная Лидия Петровна, я представляю гордую чёрную пантеру, прекрасную королеву джунглей.

– Bravo! – воскликнула Оленька, – Какое меткое сравнение.

– Bravo, господин Аладьин! – подхватили все гости.

Туркина осталась довольна и гордо задрала подбородок:

– Учитесь, господин Весновский!

Уязвлённый редактор молчаливо стиснул зубы.

– Господа, я решительно желаю узнать, что за образы были придуманы Георгию Михайловичу и Анне Яковлевне, – желая разрядить обстановку, сказал Василий.

– Извольте, – тут же откликнулась Исупова, – Я – «ловкая белка».

И в подтверждение слов Анна подняла с плеч и приставила к макушке два тёмных локона, имитируя беличьи ушки.

– Позвольте, Анна Яковлевна, – вмешался Весновский, – Я сказал «Грациозная, ловкая белка. Самая драгоценная из всех беличьих пород».

Аладьин краем глаза заметил, как Лидия поджала губы. «Ну, ещё бы! Теперь ясно, почему она так злилась, что для неё у Весновского не нашлось слов».

– А я – «неторопливый сло-о-он», – растягивая слова, произнёс Георгий Дядин.

Все вновь взорвались от смеха.

– Ну, тогда я желаю, чтобы и мне было придумано прозвище! – заявил Василий, – Уважаемый Виктор Александрович, пожалуйста!

– Извольте! – язвительно прищурился, охотно согласился Весновский, – Вы, господин Аладьин, «кичливый павлин»!

– Как Вам не стыдно, Виктор Александрович? – упрекнула его Оленька.

– Успокойтесь, Ольга Александровна, – остановил её Василий, – Это всего лишь игра. И господин Весновский честно выполняет её правила. Осталось последнее прозвище – Ваше, Виктор Александрович.

– Да! Верно! – подхватили гости, – Иначе будет не честно!

– Я не могу говорить про себя, – заартачился тот. И неожиданно «перевёл стрелки», – Пусть скажет Василий Кириллович; у него это так метко выходит!

И он, в ожидании реванша, уставился на Аладьина так, словно они стояли с пистолетами у барьера. Василий не заставил себя ждать:

– Господа. Виктор Александрович проявил блистательные способности ума и воображения. Поэтому, я полагаю, он с честью заслужил звание «мудрый ворон»!

– Ах, как это точно! – восхитилась Оленька и захлопала в ладоши.

Весновский, внутренне подготовившись к расплате за «павлина», был приятно удивлён. И, сбросив спесь, протянул Аладьину руку:

– Благодарю за плодотворное сотрудничество.

– Всегда к Вашим услугам, – ответил тот, – Будем считать, господа, что мы заново познакомились!

– У нас закончился морс, – сообщила Тата, демонстрируя пустой кувшин.

– Я принесу! – откликнулся Георгий, и вперевалочку направился по лестнице вниз.

– Это было опрометчивое решение – отправить за морсом «неторопливого слона», – смеясь, подметила Анна Яковлевна, – Думаю, он вернётся не раньше, чем через час.

Все рассмеялись.

– А давайте пока попросим господина Аладьина рассказать что-нибудь интересное о столице, – предложила Тата.

Василий подарил ей душевную улыбку:

– Очаровательная Татьяна Михайловна, я с удовольствием расскажу что-нибудь, но в другой раз. Давайте не будем забывать, что сегодня день рождения, и всё внимание должно быть обращено к имениннице. Ольга Александровна, я, к сожалению лишь за час до моего визита узнал о том, что приглашён на это торжество. И не успел приготовить для Вас подарок.

– Ну что Вы..., – скромно улыбнулась она.

– Но я, пока одевался, сочинил стихотворение. Я тогда ещё не знал, как Вы выглядите, и позволил себе пофантазировать. Разрешите, в качестве подарка, я Вам его прочту.

– Прошу Вас, – замирая от восторга, прошептала Оленька.

Аладьин приосанился и, бросая изредка взгляды в сторону Анны Яковлевны, начал:

– Сквозь талый лёд из серых туч
Мелькнёт улыбкой солнца луч.
Ваш дивный взор, он добрый свет,
Растопит этот вечный снег!
И, пробудившись ото сна,
Вы в мир шагнёте, как Весна.
Походкой лёгкой, неземной,
Заполните весь свет собой.
Я бросить к Вашему окну
Готов и солнце и луну!
Пренебрегая сотней роз,
Сплести для Вас венки из звёзд...

В зале повисла тишина.

– Как красиво! – тихо и вдохновенно сказала Анна, нарушая всеобщее молчание.

«Если бы она знала, что на самом деле я читал их для неё, а не для Чикиной», – вздохнул про себя Василий.

– Вы, действительно, сочинили это сами, только что? – усомнился Весновский.

– Виктор Александрович, – одёрнула его Оленька и трогательно заломила руки, – Ах, Василий Кириллович! Как это прекрасно! Мне никогда никто не посвящал стихов. Спасибо!

Лидия Туркина завистливо прикусила губу.

– Браво, господин Аладьин, – констатировал Крашенинников, – Вы нынче всех затмили своими способностями.

– Я что-то пропустил? – появился Георгий с кувшином клюквенного морса.

Весновский поправил очки и двинулся прочь из гостиной.

– Куда Вы, Виктор Александрович? – окликнула его Лидия.

– Мне захотелось выкурить сигарету, – пояснил тот.

– Курение – пагубная привычка. Вам, как доктору, это должно быть известно, – поддела его Лидия.

– Я знаю, – сдержанно ответил он и ушёл.

Лидия скучающим взглядом окинула гостиную. Заметила, что Николай Чикин шепчется о чём-то с Анной Яковлевной у рояля, и тут же окликнула его:

– Николай Александрович! Будьте любезны. Налейте мне морса.

Тот послушно пошёл исполнять просьбу. Исупова с Туркиной обменялись натянутыми улыбками.

– Василий Кириллович, – Ольга уставилась на Аладьина умоляющими глазами, – Я буду просить Вас об одном одолжении.

– Ольга Александровна, голубушка! Любое Ваше желание сегодня – закон.

– Вы должны непременно написать это чудное стихотворение в мой альбом. Пожалуйста!

– Извольте, я готов, – согласился он.

– Ах! – обрадовалась именинница, – Вы – просто чудо!... Мой альбом. Он в спальне.

Возникла пауза.

– Я принесу, – вдруг вызвалась Анна и бросила в сторону Лидии надменный взгляд, – Я – «ловкая белка», я принесу альбом.

И она ушла, покачивая бёдрами.

В гостиную вернулись мужчины.

– Не пора ли выпить чаю? – потирая руки, предложил хозяин.

– Подождите, папенька! Василий Кириллович ещё обещал написать мне в альбом стихи, которые он сам сочинил, – сообщила Ольга.

– Ах, он ещё и стихи пишет? – поразился Новоселецкий.

– Да, он у Вас мастер на все руки, – это появился Весновский.

– Виктор Александрович, – переметнулся на него исправник, – Отчего Вы не играли с нами в покер? Рассказали бы, какие новости нас ждут в завтрашнем выпуске газеты, анонсом, так сказать.

– На масленицу к нам приедет цирк, – любезно сообщил тот.

– Да, это важно, – фыркнул Новоселецкий.

– Ах, как я люблю цирк! – захлопала в ладоши Тата.

– Гвоздём программы будет известный фокусник, – продолжал Весновский.

– Я обожаю фокусы! – заявила Оленька.

– Я возьму билеты в первый ряд, – вдруг заявил Владимир Крашенинников, – Ольга Александровна, хотите, я и для Вас возьму?

– Как Вы любезны, Владимир, – растаяла Оленька и метнула взгляд в отца – Папенька, Вы позволите мне сходить с Владимиром Михайловичем на цирковое представление?

– Хорошо, только возьмёте с собой Машеньку.

– Ну, папа! Зачем же Машеньку? – расстроилась Ольга.

– Василий Кириллович, а Вы любите фокусы? – спросила Тата.

– Я люблю их разгадывать, – признался он.

– Так, может быть, и показывать их умеете? – язвительно заметил Весновский.

– Вы правы. Я могу показать Вам фокус с летающей монетой, – сказал Аладьин.

– Ой, покажите! Покажите! – наперебой загалдели гости.

– Ну, знаете, Василий Кириллович, – развёл руками Весновский, – Если Вы и вправду сейчас покажете фокус, то получите звание «почётного гражданина этого вечера».

– Господа, мне только нужно немного времени, чтобы подготовиться, – предупредил Аладдин, – Я сейчас.

И он спустился по лестнице в прихожую.

Достал из кармана пальто монету и платок. Вытянул из платка несколько тонких невидимых нитей. Огляделся в поисках места поукромней, чтобы протянуть нить под рубашкой, а монету спрятать за манжетой.

По коридору справа, по характерным звукам и запахам, была кухня. Слева – комнаты. Аладдин пошёл налево, в надежде сыскать тихий уголок. Но вдруг из глубины комнат до его уха долетел короткий женский вскрик. Василий насторожился. Следом прозвучал окрик:

– Куда ты?!... Стой оглашенная! Эй!

Аладдин определил, из-за какой двери доносится голос, и направился туда. Рванул на себя дверь.

Это оказалась спальная комната. У распахнутого окна стояла Анна Яковлевна, облокотившись на подоконник и высунувшись наружу почти до пояса. Услышав, что кто-то вошёл, она выпрямилась:

– Ах, Оля, что за дикая у вас прислу..., – осеклась на полуслове и рассмеялась, – Ой, это Вы, Василий Кириллович?

– Что случилось? Я услышал, что Вы кричали.

– Вообразите себе, она выпрыгнула в окошко! – в удивлении пожимая плечами, сообщила Анна.

– Кто?

– Девчонка.

– Что за девчонка?

– Не знаю. Прислуга, должно быть, – Анна поёжилась от холодного ветра и закрыла окно на шпингалет, – Признаться, я и не сразу её заметила. Даже вскрикнула от испуга. А она тут же – шась! И – в окно! Я кричу ей: «Стой!» Да куда там! Она – за угол, и след простыл.

Анна Яковлевна подняла с прикроватного столика альбом и заметила:

– Покрывало примято; небось, спала на хозяйской кровати? Надо пожаловаться Оленьке. Она столкнулась взглядом с Василием и с трудом подавила невольную улыбку.

– Чему Вы смеётесь? – озадачился Аладдин.

– Стыдно сказать, но, когда я впервые услышала Вашу фамилию, я подумала, что Вас зовут Аладдин. Ну, это такой герой из восточной сказки; мне мама в детстве читала, – Анна коротко рассмеялась и тут же спохватилась, – Только не говорите никому, ладно?

Василий смотрел на неё, слушал, как она говорит, как смеётся... И душа его тихо пела.

– А я видел Вас нынче утром, – вдруг признался он.

– Где?

– Вы стояли на крыльце дома Ахметова возле моста.

– Ничего удивительного, – повела плечами она, – Шакир Ахметов – мой дядя. Я у него живу. Идёмте, нас, должно быть, заждались?

Неожиданно Аладдина точно током ударило:

– Анна Яковлевна, а какого возраста была девочка?

– Лет десяти-двенадцати.

У Василия защекотало в носу:

– А в руках у неё ничего не было?

Анна задумалась:

– Вроде, нет. Я как-то не заприметила. А что такое?

– Вот что, ступайте-ка в гостиную и приведите сюда Ольгу Александровну. Но ничего ей пока не рассказывайте.

– Хорошо. Вы такой смешной, – Анна удивлённо пожала плечами и ушла.

Она вернулись с Ольгой.

– Ольга Александровна, – вкрадчиво произнёс Аладьин, – Взгляните, пожалуйста, всё ли на месте в Вашей спальне? Ничего не пропало?

– А-а, я знаю эту игру! – весело погрозила им пальцем Оленька, – Вы с Анной тут что-то спрятали, и я теперь должна найти. Да?

– Не совсем, – разочаровал её Василий, – Скажите мне, Ольга Александровна, держите ли Вы в этой комнате ценные вещи; украшения или деньги?

– Да, – кивнула она.

– Будьте любезны, проверьте прямо сейчас, на месте ли они?

Ольга в недоумении посмотрела на Аладьина, затем на Анну. И полезла в комод. Достала квадратную шкатулку:

– Вот. Тут все мои драгоценности, которые мне дарили папенька и..., – она приподняла крышку и удивилась, – Но тут ничего нет!

Ольга продемонстрировала пустую шкатулку. Анна побледнела, прижав к груди альбом, и метнула испуганный взгляд на Аладьина.

– А что это значит? – спросила у них Ольга.

– Это значит, – строгим холодным голосом ответил Василий, – Что в Вашем доме только что побывал вор. Вас ограбили.

Ольга выронила шкатулку на ковёр.

– Спокойно, господа! – скомандовал Новоселецкий, – Я прошу всех остаться в гостиной. А Александр Адрианович с Еленой Аркадьевной обойдут все комнаты и проверят, не пропало ли ещё что-нибудь?

– Митрофан Иванович, – зашептал Аладьин, – Это «Оборотень». Я чувствую, это он!

– Тише ты! – шикнул сердито исправник, – Держи язык за зубами.

Спустя четверть часа Чикин вернулся в гостиную встревоженным. Протянул Новоселецкому другую шкатулку:

– Вот. Здесь были Леночкины фамильные драгоценности. Теперь их нет.

Гости ахнули и заволновались ещё больше.

– Покажите мне, где была шкатулка? – попросил Новоселецкий.

Как выяснилось, вторая шкатулка была в спальне хозяев, расположенной рядом со спальней дочери. Никаких следов ни на полу, ни на окне не было.

– Аладьин. Идёмте в комнату Ольги, – распорядился Митрофан Иванович, – И приведете госпожу Исупову.

Анна стояла у порога, бледная и напуганная. Новоселецкий погладил её по плечу:

– Анна Яковлевна, душенька-голубушка. Я Вас очень прошу, соберитесь и всё с самого начала с того момента, как Вы вошли в комнату.

– Я вошла в комнату, – повторила Анна, переступая порог, – И сразу посмотрела на туалетный столик; там лежал альбом, за которым я пришла.

– Стоп, – скомандовал Новоселецкий, – Свет в комнате был включен? Или Вы его включили, когда вошли.

– Включен, – уверено сказала она, – Горел ночник.

– И Вас это не удивило?

– А-а..., – Анна растерянно заморгала, – Я не придавала этому значения.

– Дальше, – велел Митрофан Иванович.

– Я потянулась за альбомом, – Анна наклонилась над туалетным столиком, – А в это время шторка балдахина дёрнулась, и оттуда кто-то выскочил. Я от неожиданности вскрикнула!

– Я слышал, – подтвердил Аладьин.

– Подождите, – осадил его Новоселецкий, – А Вы продолжайте, Анна Яковлевна.

– Она очень быстро бросилась к окну, распахнула раму, взобралась на подоконник и... спрыгнула.

– Как она выглядела? Во что одета?

Анна озадаченно развела руками:

– Я не разглядывала её. Понимаете, я ведь решила, что это кто-то из прислуги...

– Ну, постарайтесь. Хоть что-нибудь. Это очень важно.

Исупова прижала пальцы к вискам:

– На голове у неё был платок, – сказала она, – Да. Иначе я бы увидела, какие у неё волосы... Одетая. Во что одета?... Во что-то тёмное. Наверное, это была кофточка или пальто. Я не знаю. Это всё.

– Покажите, как она взобралась на подоконник, – попросил Новоселецкий.

Анна подошла к окну, взялась за ручку.

– Значит, окно было уже открыто? – остановил её Митрофан Иванович.

– Нет, закрыто.

– Но она дёрнула шпингалет?

– Нет, – Анна задумалась, – Или да. Я не помню. Кажется, нет.

– Дальше, – вздохнул Новоселецкий.

Анна Яковлевна приподняла подол юбки и взобралась коленями на подоконник:

– Вот так. Затем она крутанулась и спрыгнула спиной вниз.

– Теперь понятно, почему на подоконнике нет следов, – проворчал Митрофан Иванович, – И не понятно, почему их нет на полу! Анна Яковлевна, во что девочка была обута? Что у неё было на ногах? Носки? Ботинки? Галоши?... Босая?

– Ботинки, кажется..., – неуверенно кивнула Исупова и взмолилась, – Митрофан Иванович, можно я домой пойду? Дядя будет сердиться.

– Ступайте, – махнул рукой исправник.

– Я провожу! – вызвался Аладьин.

В прихожей, помогая Анне надеть шубку, Василий не удержался:

– Анна Яковлевна, я хотел бы задать Вам ещё несколько вопросов. Это очень важно.

– Я устала, – пожаловалась она.

– Тогда я буду вынужден пригласить Вас завтра в полицейское управление.

– Нет-нет. Только не в управление! – испугалась она, – Если дядя узнает, что меня вызывали в полицию, он будет очень зол и отправит меня к отцу!

– А, если я приглашу Вас к себе в гости? – спросил Василий, – Как к этому отнесётся Ваш дядя?

– В гости – это совсем другое дело, – кивнула Анна.

– Вот и отлично. Я буду ждать Вас завтра в половине десятого утра. Надеюсь, Вы уже проснётесь?

– Я с детства просыпаюсь очень рано.

– Замечательно. Я живу в номере...

– Я знаю.

– Откуда? – опешил Аладьин.

– Вы такой смешной, – покачала головой Исупова, – Это весь город знает.

Аладьин с Новоселецким возвращались домой далеко за полночь.

– Прислуга клянётся, что никого из чужих в дом не пускали.

– А много у Чикиных прислуги? – спросил Василий.

– Семья Долговых. Жена – кухарка, дочь – горничная. А муж – дворник, при кухне помогает и вообще по хозяйству.

– А как можно попасть в дом?

– Два входа, – пояснил Новоселецкий, – Парадный и через кухню. Парадный за нами закрыл сам Чикин. После нас никто не приходил. На кухне постоянно находилась прислуга. Спрашивается, как чужая девчонка попала в дом?

– Через окно.

– Окна в это время года открытыми не держат, – напомнил Новоселецкий.

– А действовала воровка уверенно, – подметил Аладьин, – Никаких лишних движений. Откуда она так точно знала места, где лежат драгоценности?

– Тоже мне секрет! Зайди в любой дом; все женщины хранят их в ящике комода возле кровати!

– И всё же, это было смело; залезть и ограбить дом, в котором полно гостей. Митрофан Иванович, а ведь это вызов.

– Какой ещё «вызов»? – насупился Новоселецкий.

– Обратите внимание, Своё первое ограбление в нашем городе «Оборотень» совершил именно в том доме и в то время, когда там были полицейский исправник и его первый помощник. Он бросил нам перчатку!

– Идите Вы к чёрту с Вашими аллегориями!

Раздеваясь перед сном, Аладьин уронил жилетку, и из кармана что-то выкатилось. Он наклонился – ах, да! Как же он про него забыл? Камешек из ладони мёртвого Дюрягина.

Василий небрежно положил его на этажерку. И широко зевнул. Какой же был насыщенный день! И сколько осталось вопросов. Впрочем, утро вечера мудренее. Утром к нему придёт Анна Яковлевна. Надо быть выспавшимся.

День третий

Василий проснулся от стука в дверь. На пороге оказалась Тата Дядина:

– Доброе утро, Василий Кириллович. Маменька просит Вас позавтракать с нами. Не откажите.

Он взглянул на часы – девять утра. Проспал! Через полчаса придёт Исупова. И готовый завтрак у Дядиных был бы очень кстати.

– Благодарю Вас. Я буду через пять минут.

Разговоры за завтраком были одни – о вчерашнем ограблении Чикиных.

– Василий Кириллович, это правда, что грабителем был ребёнок? Какой ужас! – закатывала глаза Вера Никитична, – Молочница мне сказала, что кухарка Чикиных проплакала всю ночь; опасается, что Елена Аркадьевна теперь уволит её со всем семейством. А Вы тоже подозреваете слуг?

– Мы пока никого не подозреваем, – уклончиво ответил Аладьин.

– Но ведь попасть в дом воровка могла только через кухню; Парадная дверь была закрыта.

– Я в этом не уверен, – возразил Василий, – В доме было полно гостей. Кто угодно мог спуститься и открыть её.

– Зачем? – удивился Дядин, – Вы подозреваете кого-то из нас в сговоре с преступником?

– Это могло выйти случайно. Если вор пристально наблюдал за домом, то шансом для него была бы оставленная без присмотра дверь даже на полминуты.

– Из нашей семьи никто не отлучался из гостиной, – поспешно заявила Вера Никитична.

– Я спускался вниз за морсом, – возразил Георгий. И заметив испуганные взгляды домашних, возмутился, – Что вы на меня так смотрите? Я не подходил к двери. Я зашёл на кухню. Поболтал с Дуняшей. Она налила морса в кувшин, я отнёс его в гостиную.

– Дуняша, это кто? – уточнил Василий.

– Кухаркина дочь, – пояснила Вера Никитична и гневно поджала губы.

– Георгий Михайлович, а по дороге туда и обратно Вы ничего не заметили? – спросил Аладьин, – Шаги, шорохи, иные подозрительные звуки?

Тот покачал головой.

– Дуняша на кухне была одна? – уточнил Аладьин.

– Нет. Нина Ермолаевна суетилась у плиты. Муж её Степан был во дворе; он колот дрова.

– А морс был готов?

– Нет. Пришлось сходить в чулан за клюквой.

– И сколько, приблизительно, времени занял у Вас с Дуняшей этот поход? – лукаво подмигнул ему Василий.

Георгий вдруг вспыхнул до корней волос и промямлил:

– Я... не знаю. Минут десять.

– Благодарю за завтрак, – Аладьин поднялся, – Вера Никитична, шаньги – просто объедение. Не могу остаться. Очень спешу.

Выйдя из комнаты, Василий приложил ухо к двери и услышал гневный крик Веры Никитичны:

– Сколько раз тебе говорила, чтоб не водился с этой Дуняшкой! Других девок в городе мало?! Подведёт она тебя под монастырь! Тетёха ты, неразумная...

Возле двери своей комнаты Аладьин застал Исупову.

– Простите сердечно, Анна Яковлевна! Я заставил Вас ждать, – покаялся он, открывая дверь, – Прошу, проходите.

Она вошла, с интересом оглядывая комнату. Василий кинулся заправлять постель, внутренне проклиная себя за беспорядок. Анна медленно прошла вдоль стены, разглядывая развешенные на ней карты:

– Ваши?

– Мои.

– Воображаете себя путешественником? – лукаво улыбнулась она.

– Тренирую пространственное воображение.

На столе лежали книги. Исупова бегло прошла по ним взглядом:

– Читаете на немецком?

– А так же на французском, английском и латыни, – не без гордости заметил Аладьин.

Она проигнорировала его хвастливое заявление и подошла к деревянной этажерке. Там рядом с чернильницей увидела камешек, извлечённый из ладони Дюрягина.

– Надо же, – удивилась Анна, – Какие странные предметы лежат у Вас на видном месте.

– Это так, пустяки, – отмахнулся Василий.

Она взяла камешек и покатила его в ладони:

– И где Вы взяли этот «пустячок»?

– Подобрал на улице, – брякнул он.

– Вы надо мной смеётесь?

Василий сдался:

– Ну, хорошо. Это улика. Я вынул её вчера из ладони покойника недалеко от Шугаевского посёлка.

Анна брезгливо отдала камешек Василию и, отряхнув руки, поинтересовалась:

– Что случилось с этим беднягой?

– Он бросился под поезд.

Она недоверчиво улыбнулась:

– Вы шутите? Держа в руках такую вещь, под поезд не бросаются.

Василий в недоумении умолк, пытаясь понять смысл сказанной ею фразы. Анна Яковлевна заметила его удивление:

– Постойте. Василий Кириллович, Вы что же, не знаете, что это такое?

– А что это?

– Это золото.

– ...Золото?! – Аладьин судорожно сглотнул.

– Да. Прожилка долей на пять будет, – со знанием дела заявила она.

Василий впился глазами в корявый камень:

– А-а почему оно такое... тёмное и шершавое? – поразился он.

Исупова рассмеялась:

– Откуда Вы родом, Василий Кириллович?

– Из Тульской губернии.

– Понятно. Никогда не были на рудниках? – кивнула она, – Видите ли, прежде, чем золото попадёт к ювелиру и будет выглядеть вот так (она указала на свой перстень), изначально оно выглядит вот так невзрачно. У моего отца под Троицком два золотоносных рудника.

Аладьин припрятал самородок поглубже в карман жилетки:

– Впрочем, пока оставим это. Я пригласил Вас, Анна Яковлевна, чтобы задать один вопрос, касающийся происшествия в доме Чикиных. Я мучаюсь им со вчерашнего дня.

– Спрашивайте, – покорно согласилась она, присаживаясь в кресло, и потупила взгляд.

– Где Вы были с того момента, как вышли из гостиной до того, как вошли в спальню Ольги Александровны?

– Не понимаю.

– С тех пор, как Вы ушли за альбомом для Оленьки, прошло не меньше четверти часа. Мы успели поговорить о новостях в завтрашней газете, о цирке и фокусах. Потом я спустился вниз. И лишь затем минуты через три услышал, как Вы вскрикнули, увидев воровку; следовательно, вошли в комнату Ольги только что. Так, где же Вы были эти семнадцать-двадцать минут?

Анна невинно улыбнулась и постаралась увильнуть:

– Мне не хотелось бы об этом говорить.

– Очень сожалею. Но Вам придётся.

– Но какая, в сущности, разница, когда я зашла в комнату, сразу или, спустя какое-то время? – возмутилась она.

– Есть подозрение, что кто-то открыл вору дверь. Я вынужден проверить всех, кто покинул гостиную, – заявил Василий.

Исупова вспыхнула:

– Вы подозреваете меня?!

– Анна Яковлевна, я настойчиво советую сказать мне правду.

Она начала кусать губы:

– Мне неловко... Обещайте, что Вы никому не скажете.

– Если только это не будет связано с похищением.

– Господи! Ну, конечно, нет! – воскликнула она, – Одним словом, я ненавижу клюквенный морс. Когда его пью, становлюсь похожа на воздушный шар. А во время ужина у Чикиных я выпила целых два стакана! Поэтому, когда Ольга предложила кому-нибудь сходить за альбомом, я с радостью уцепилась за эту возможность улизнуть, наконец, из гостиной.

Она в ужасе взглянула на Аладьина:

– Надеюсь, Вы не запишите это в протокол?

Он подавил невольную улыбку:

– Клянусь, я унесу эту тайну в могилу. А, когда Вы шли через прихожую и по коридору, не заметили ничего подозрительного?

– Нет.

– А почему, увидев девочку, Вы решили, что она из прислуги? Разве Вы не знаете, что среди прислуги Чикиных нет детей?

– Понятия не имею! – фыркнула Анна, – Я никогда не интересуюсь прислугой.

– Странно, что от обуви воровки нигде не осталось следов. На улице жуткая грязь. Не по воздуху же она пролетела? – заметил Василий.

Анна пожала плечами:

– Может, она прилично воспитана. И, как все мы, оставила галоши в прихожей?

Аладьин хлопнул себя по лбу:

– Галоши! В этом городе все ходят в галошах! – он схватил Анну за руку и горячо поцеловал, – Анна Яковлевна! Вы – просто чудо! Пойдите-ка, если девчонка выпрыгнула в окно и убежала, то значит галоши...

– Остались где-то в доме, – досказала Исупова

Василий вытащил Митрофана Ивановича из-за стола, где он завтракал в обществе супруги и двух ребятишек.

Идя по улице к дому Чикиных размашистым шагом, и всё ещё что-то дожёвывая на ходу, Новоселецкий, ворчал:

– Как я сам до этого не додумался? Галоши! Едрёный конь!

Семейство Чикиных они застали в полном составе. Александр Адрианович собирался на службу. Но остался узнать, чем закончатся поиски полиции.

Сперва обыскали всю кухню. Переворошили галоши кухарки, её мужа и дочери. Заглянули за двери, в чуланы. Пошарили даже в поленнице. Ничего.

Вернулись в прихожую.

– А что, если всё намного проще? – предположил Василий и вытряхнул из «галошницы» всю господскую обувь, – Итак, я полагаю, что самые большие – господина Чикина-старшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.